

© 2011 г.

И.И. ОРЛИК

Дж.Ф. КЕННАН: “БОЛЬШИЕ ДЕБАТЫ”

В истории международных отношений второй половины XX в. имя дипломата и ученого, профессора Принстонского университета (США) Джорджа Фроста Кеннана (1904–2005) обычно ассоциируется с разработанной им “политикой сдерживания”, направленной против коммунистической идеологии вообще и, в частности, против СССР. Однако известны и многочисленные выступления Кеннана в поддержку нормализации отношений и даже сотрудничества США с Советским Союзом.

Не случайно и в Америке, и в Западной Европе, и в СССР политики и аналитики международных проблем по-разному относились к Кеннану. В 1979 г. в Лондоне издательство “Фрэнк Кэсс” выпустило книгу “Встречи с Кеннаном. Большие дебаты”¹. Она была широко разрекламирована на Западе, так как представляла острую полемику Кеннана с ведущими западными советологами, занимавшими крайне враждебные позиции по отношению к Советскому Союзу. В дискуссии приняли участие профессор Свободного университета Западного Берлина Р. Лёвенталь, профессор Гарвардского университета Р. Пайпс, профессор Лондонского университета Х. Сетон-Уотсон, английские журналисты и издатели Дж. Урбан, Л. Лабедз, М. Дж. Ласки. В западной печати подчеркивалось, что “Большие дебаты” представляют особый интерес для выработки новой доктрины, призванной решить политические судьбы Европы и мира.

В апреле 1980 г. книга, переведенная на русский язык, вышла в Москве в издательстве “Прогресс”. Тираж был небольшим, в продаже книги не было, а на обложке в правом верхнем углу значилось: “Рассылается по специальному списку”². Кроме того, все экземпляры были пронумерованы. На книге, которой пользовался автор, стоит № 430 и печать Института экономики мировой социалистической системы АН СССР “Спецхран, № 255/80”. Так что книга была недоступна не только для широкого читателя, но и даже для многих научных работников. Тираж рассылался по центральным партийным и некоторым государственным учреждениям. С тех пор книга на русском языке не переиздавалась.

Чем же сегодня вызван интерес к Кеннану?

ДВА КЕННАНА

Джордж Кеннан родился 16 февраля 1904 г. в Милуоки (штат Висконсин, США) в обеспеченной семье преуспевающего юриста шотландско-ирландского происхождения Кошута Кента Кеннана. Имя Кошут ему было дано в знак солидарности его родителей с лидером венгерской революции 1848 г. Лайошем Кошутом. Через несколько недель

Орлик Игорь Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

¹ Encounters with Kennan. The Great Debate. London, 1979.

² Встречи с Кеннаном. Большие дебаты (далее – Дебаты). М., 1980.

после рождения Джорджа его мать умерла. Заботу о воспитании мальчика взяли на себя отец и три старшие сестры. Джордж рос умным и не по годам развитым; он много читал, любил заниматься сочинительством, писал стихи.

Отец направил Джорджа на учебу в военную школу в Висконсине, а позже – в Принстонский университет. В Принстоне у будущего историка и дипломата проявился особый интерес к международной политике.

В 1925 г., сразу после окончания Принстонского университета, Кеннан поступил на дипломатическую службу. После недолгого пребывания в Женеве он узнал о том, что может поучиться три года в аспирантуре университета в Берлине при условии, что будет изучать редкий язык. Кеннан выбрал русский, поскольку у него была возможность получить назначение на работу в Советский Союз. В Берлине, проживая в семье русских эмигрантов в качестве квартиранта, Кеннан в совершенстве освоил русский язык.

Интерес к России стал для Кеннана продолжением семейной традиции, начало которой положил двоюродный брат его деда, в память о котором впоследствии при Международном центре В. Вильсона в Вашингтоне был основан Институт перспективных российских исследований имени Кеннана.

После завершения аспирантуры Кеннан продолжил дипломатическую службу в Таллине и Риге, а затем и в Москве. 13 декабря 1933 г. Кеннан был назначен на должность переводчика при первом американском поселе в СССР У.К. Буллите. Кеннан присутствовал на церемонии вручения верительных грамот председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР М.И. Калинину. Через неделю, 20 декабря 1933 г. Кеннан вместе с Буллитом были на ужине у Калинина, где присутствовали И.В. Сталин, В.М. Молотов и другие советские руководители. Кеннан произвел на всех такое благоприятное впечатление, что Буллит счел необходимым сообщить об этом в письме президенту Рузвельту. Советские лидеры “были... восхищены молодым Кеннаном, который был со мной”³.

Так начинался для Кеннана путь дипломата, исследователя и знатока России, одного из крупнейших теоретиков и историков международных отношений XX в.

В течение многих лет, занимая различные дипломатические посты в американском посольстве в Москве или в Государственном департаменте в Вашингтоне, Кеннан оставался верен “русской теме”, хотя со временем выходил и на глобальные мировые проблемы международной политики. В апреле 1952 г. он был назначен послом США в Советском Союзе. Однако советское руководство не желало терпеть откровенно негативное отношение нового американского посла к существовавшему в СССР строю, его осуждение советских порядков. 3 октября 1952 г. Кеннан был объявлен “*persona non grata*” – “нежелательным лицом”. Разумеется, это решение было принято не без ведома Сталина.

А вот история о выдворении из России Кеннана-старшего. 1 июля 1865 г. американец Дж. Кеннан поднялся на борт стоявшего в бухте Сан-Франциско русского торгового судна “Ольга”, которое отправлялось на Камчатку. Так для 20-летнего юноши начинался путь исследователя России, журналиста, писателя, путешественника. 23 мая 1885 г. «по Указу Его Величества государя Императора Александра Александровича Самодержца Всероссийского... Георгу Кеннану, отправляющемуся в Сибирский край в качестве корреспондента Нью-Йоркского журнала “The Century”» был выдан “открытый лист”. Российские власти должны были оказывать американскому гостю “всякое законное содействие”. Через девять лет, 9 марта 1894 г. Департамент полиции завел секретное дело № 1/94 (входящий № 3332) “о гражданине Северо-Американских Штатов Джордже Кеннана”. 11 июля 1901 г. по заключению Департамента полиции петербургский градоначальник вынес решение: “Неблагонадежного иностранца Джорджа Кеннана немедленно выслать за границу”. В тот же день Кеннан был выслан из России. Конечно, это решение было принято не без ведома “Его Величества государя Императора”, уже Николая II.

³ Цит. по: Вестник Института Кеннана в России, вып. 5. М., 2004, с. 16.

Как схожи судьбы двух Кеннанов, их отношение к России и отношение к ним официальной России. Их объединяло одно общее устремление: писателя, путешественника Кеннана-старшего и дипломата, историка Кеннана-младшего: глубокий интерес к России, ее культуре, истории, искреннее уважение к этой стране и ее народу, непонятное не только для американца, но, подчас, и для русского – теплое дружеское расположение.

Кеннан-старший взял себе второе имя Фрост в благодарность своему неизменному спутнику по российским дорогам – художнику Дж. Фросту, а Кеннан-младший полностью сохранил имя своего двоюродного деда, а позже, в совершенстве овладев русским языком, стал с интересом изучать Россию. Очевидно, все это было “генетически предопределено”.

В 1974 г. вместе с Дж. Биллингтоном, возглавлявшим тогда Центр Вудро Вильсона, и историком С.Ф. Старром Кеннан-младший основал Институт Кеннана, названный им в честь Кеннана-старшего. Институт Кеннана был создан для того, чтобы поднять уровень советологических исследований в США и способствовать углублению знаний о России в американских академических, государственных и деловых кругах. В 1993 г. был открыт московский офис Института Кеннана⁴.

Творческое наследие обоих Кеннанов, к сожалению, постигла похожая участь. Многие ли читали блестящие путевые заметки о Сибири Кеннана-старшего?⁵ А ведь в свое время их высоко ценили Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, Г.В. Плеханов, а за рубежами России – Ф. Энгельс⁶. Из публикаций Кеннана-младшего широко известны “Длинная телеграмма” и статья в “Форин афферс”, подписанная псевдонимом “Х”. Далеко не всем в России, даже историкам-американистам, известны его монографии, мемуары⁷. Наиболее интересная по научному предвидению его публикация “Америка и русское будущее”⁸, изданная еще в 1951 г., была случайно обнаружена только через 50 лет⁹.

Многие оценки Кеннаном международных событий второй половины XX в., его мысли о природе внешней политики США, России, ряде европейских государств, размышления о будущем развитии мира, не только представляют интерес для историков, но и являются актуальными для понимания современной международной жизни и разработки новых принципов дипломатии XXI в.

ПОЛИТИКА СИЛЫ: ЗА И ПРОТИВ

Оппоненты Кеннана пытались опровергнуть многие мысли, которые он высказывал в своих работах. Выдвинутые им положения подвергались резкой критике, особенно его утверждения о том, что в 1960–70-е годы в связи с изменениями в СССР созданы благоприятные условия для постоянного улучшения советско-американских отношений, расширения масштабов сотрудничества между двумя странами.

Участники дебатов, резко критикуя взгляды Кеннана, обвиняли его в двойственности, противоречивости, в “неуравновешенности политических суждений”, в “духовной капитуляции” перед “военным шантажом”, в том, что он якобы выступает за “одностороннее разоружение” США¹⁰.

⁴ <http://www.kennan.ru/index.php/rus>

⁵ Кеннан Д. Кочевая жизнь в Сибири Джорджа Кеннана. СПб., 1872; *его же*. Сибирь и ссылка, в 2-х т. СПб., 1999.

⁶ Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма. М., 1981, с. 5, 25, 38, 40.

⁷ Kennan G.F. Memoirs. 1925–1950. Boston – Toronto, 1967; *idem*. American Diplomacy. 1900–1950. Chicago, 1951; *idem*. Realities of American Foreign Policy. London, 1954.

⁸ Kennan G.F. America and Russian Future. – Foreign Affairs, v. 29, April 1951, № 3, p. 351–370; Кеннан Д.Ф. Америка и русское будущее. – Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 81–94.

⁹ Болховитинов Н.Н. Полвека спустя. Послесловие к статье Дж.Ф. Кеннана “Америка и русское будущее”. – Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 95.

¹⁰ Дебаты, с. 4.

Аргументы Кеннана, изложенные им и в “Больших дебатах” и в ряде других работ¹¹, позволяют судить о степени достоверности критики со стороны его оппонентов.

Во многих служебных записках, ставших известными спустя много лет, в статьях и обобщающих монографиях, а также в мемуарах Кеннана содержатся важные мысли о соотношении власти и силы, их влиянии на внешнюю политику государств. Ценность его размышлений по этим проблемам заключается в том, что, анализируя конкретные внешнеполитические факторы, автор приходит к широкому теоретическим обобщениям. Поэтому его суждения остаются актуальными и в XXI в., и не только для политиков и государственных деятелей США, но и для лидеров многих других стран, в том числе и современной России.

Кеннан как никто другой из американских исследователей внешней политики своей страны определил четкую связь между интересами власти и сущностью внешней политики. Уже в начале дипломатической деятельности он “получил урок, касающийся одной из характерных черт американских государственных деятелей, – их тенденции делать заявления и совершать те или иные акции, исходя не из последствий для международных дел (чего следовало ожидать), а из реакции на них американского общественного мнения и в особенности – конгресса. Политиков интересует, выглядят ли они внутри страны достаточно профессиональными и отстаивающими национальные интересы, пусть их действия и не приносят особой пользы этим интересам... Пока американское общество и пресса не перестанут вести себя подобным образом, наша страна не будет иметь по-настоящему зрелой и эффективной внешней политики, достойной великой державы”¹².

Широко известна и многократно описана американскими и русскими исследователями история “Длинной телеграммы” (1946 г.) и последовавшей за ней публикации статьи в журнале “Форин афферс” (июль 1947 г.), в которых Кеннан излагал свое видение основных направлений политики США в отношении Советского Союза и излагал свои рекомендации американской власти, ставшие основой “доктрины сдерживания”¹³.

Автор введения к “Дебатам”, сенатор от штата Нью-Йорк Д.П. Мойнихэн оценивал “доктрину сдерживания”, как “первую в рамках американского внешнеполитического истеблишмента серьезной теоретической попыткой разобраться в последствиях для международных отношений внезапного появления внушительной и достаточно ощутимой советской мощи. Эта доктрина была новым явлением... она стала новой исходной точкой в американском подходе к мировой политике”¹⁴. Кеннан, по словам Мойнихэна, “смог понять систему международных отношений гораздо глубже, чем многие его современники”¹⁵.

И в “Длинной телеграмме” и в статье в “Форин афферс” Кеннан отстаивал “логику силы” в отношении СССР, предлагал Западу противопоставить Советскому Союзу “достаточную силу и сделать ясной свою готовность использовать ее”¹⁶.

Но вскоре Кеннан отказался от “логики силы” и даже заявил, что у него хватило мужества отказаться от своих прежних взглядов, понять их ошибочность. К этому решению его привел анализ международной ситуации, сложившейся после обретения Советским Союзом атомного и водородного оружия, а также критический взгляд на методы американской политики в отношении СССР. Об этом он не раз писал и в закры-

¹¹ Орлик И.И. Уроки Джорджа Фроста Кеннана. – Вестник Института Кеннана в России, вып. 14. М., 2008, с. 76–88; *его же*. В назидание американским президентам... и не только. – Мир перемен, 2009, № 4, с. 67–71.

¹² Кеннан Д. Дипломатия второй мировой войны. М., 2002, с. 40–41.

¹³ Подробнее о “доктрине сдерживания” см.: Орлик И.И. Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968, с. 82–126; Уткин А.И. Роковые телеграммы Кеннана. – Вестник Института Кеннана в России, вып. 5, с. 40–44.

¹⁴ Дебаты, с. 8.

¹⁵ Там же, с. 9.

¹⁶ The Sources of Soviet Conduct. – Foreign Affairs, 1947, July, № 25, p. 575.

тых служебных записках, а позже и в своих публикациях. К тому же Кеннан, исходя из всестороннего изучения советской внешней политики, был глубоко убежден, что СССР не применит первым ядерное оружие против США.

И все же, как отмечал Кеннан более чем через 30 лет, статья в “Форин афферс” приобрела “некую прискорбную известность и с тех пор преследует меня по пятам, как верное, но нежелательное и даже определенно затрудняющее мою жизнь животное”¹⁷.

Российский историк В.Л. Мальков сформулировал принципы, которые определили отказ Кеннана от былых убеждений. Это “логика исторического анализа, политический реализм, внутренняя самокритичность ученого, не останавливающегося перед коррекцией собственных взглядов”¹⁸.

Но джин уже был выпущен из бутылки. Идеи Кеннана и термин “сдерживание” помимо воли их автора превратились в силовую “доктрину сдерживания” и реальную внешнеполитическую практику США, а затем и всего Запада. “Сдерживание”, а с начала 1950-х годов при президенте Д. Эйзенхауэре “освобождение” (Кеннан называл их двумя сторонами одной и той же медали) стали основой многолетней внешней политики США, предполагающей силовые методы воздействия на противника.

“Доктрина сдерживания”, в значительной степени “сконструированная” из отдельных положений и формул, изложенных Кеннаном в “Длинной телеграмме”, по словам самого Кеннана, определяла для западного мира “искусное и энергичное применение контрсилы в целом ряде постоянно меняющихся географических и политических пунктов, соответствующих переменам и маневрам советской политики”¹⁹.

Кеннан не раз повторял, что силовая, особенно военно-силовая политика, все более становится малоэффективной и опасной для любой державы, в том числе и для такой экономически богатой и мощной в военном отношении как США.

Уже в 1950-е годы Кеннан существенно эволюционировал в своих внешнеполитических взглядах. Он стал активным сторонником мирного сотрудничества государств различных политических систем, выступал за прекращение гонки вооружений, за предотвращение мировой ядерной войны²⁰.

Во взглядах на использование силы во внешней политике Кеннан был не одинок. В 1970-е годы американские политические деятели У. Фулбрайт, Р. Никсон, А. Гарриман, Дж. Болл, Г. Киссинджер и другие сторонники “реальной политики” считали необходимым согласовывать национальные интересы с фактическим соотношением сил в современном мире. Конечно, у них были разные представления о методах “реальной политики”, но в целом они отстаивали, по словам бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, “необходимость самосохранения, сознавая, что наши национальные цели имеют свои пределы”²¹. Кеннан был сторонником согласования крупных международных проблем между ведущими державами мира. В этом он видел возможность избежать “силовых приемов”.

Может показаться странным, но идея многополярного мира, которая обсуждается в начале XXI в., полстолетия тому назад (правда, в другой конфигурации) была выдвинута Кеннаном. В мемуарах он писал, что уже в конце 1940-х годов он “постоянно повторял мысль о существовании в мире пяти регионов – США, Великобритании, долины Рейна с прилегающими к ней индустриальными районами, СССР и Японии, в которых только и возможно образование военной мощи внушительных масштабов”²².

¹⁷ Common Sence in US-Soviet Relations. Washington, 1978, p. 27. Цит по: История США, т. 4. М., 1987, с. 86.

¹⁸ Мальков В.Л. Неизвестный Кеннан: заметки о морфологии мышления дипломата. – Вестник Института Кеннана в России, вып. 5, с. 37.

¹⁹ Kennan G.F. American Diplomacy, p. 120.

²⁰ Kennan G.F. The Nuclear Delusion. Soviet-american Relations in the Atomic Age. New York, 1982, p. 208.

²¹ Современная внешняя политика США, в 2-х т., т. 1. М., 1984, с. 149.

²² Kennan G.F. Memoirs, p. 594.

Конечно, и структура, и целевые замыслы этих центров силы, по Кеннану, резко отличались от главных геополитических сил в начале ХХI в. Но сама идея явно противостояла уже тогда нарождавшейся тенденции господства в мире одной державы, располагавшей мощной силой во всех ее проявлениях. Еще в 1954 г. Кеннан высказал идею о постепенной замене “биполярной” стратегической конфронтации ситуацией “многополярности”, т.е. нескольких “центров силы”. В связи с этим он предлагал разработать новую военно-политическую стратегию США с учетом гибких невоенных методов противоборства²³.

Оппоненты Кеннана упрекали его в непоследовательности оценок возможного конфликта между двумя ядерными сверхдержавами. Ответ Кеннана был определенным: «Когда заходит речь о конфликте между великими державами, ядерная война не может быть иной, кроме как имеющей катастрофические последствия для всех втянутых в нее стран; и я думаю, что русские хорошо понимают это. Меньше всего в их планы входит угрожать другим правительствам, говоря: “Делайте так, как мы вам велим делать, иначе мы сбросим на вас ядерные бомбы”. Это ребячество: никакое правительство великой державы не поступает таким образом, и русские не поступят так. Самой важной задачей является остановить распространение ядерного оружия. Это оружие, слишком ужасное, чтобы находиться в человеческих руках – в наших или в чьих-либо еще, – должно быть изъято из спектра возможных военных средств. Я глубоко обескуражен тем, что правительство Соединенных Штатов не предпринимает полезных шагов в этом направлении. Мы могли бы проявить большую смелость не столько в переговорах, сколько в наших односторонних действиях. Ядерное оружие просто не может служить разумным средством для оказания политического давления или проведения акции»²⁴.

Наиболее жестким оппонентом Кеннана в дебатах был Пайпс. Он считал все утверждения Кеннана об отношениях между США и СССР “ошибочными, как в логическом, так и в политическом смысле слова”²⁵. О знатоке русской истории Кеннане Пайпс говорил, что тот всего лишь “основательно в ней начитан”²⁶.

Пайпс не разделял взгляды Кеннана “на нынешнюю внешнюю политику Советского Союза как на консервативную и миролюбивую”²⁷ и подробно излагал свою концепцию “советской угрозы” США и миру. Пайпс сомневается в целесообразности обсуждения этих проблем между сторонниками и противниками взглядов Кеннана.

“Дебаты между двумя сторонами, из которых одна считает военный аспект советско-американских отношений решающим для понимания подлинного характера и положения Советского Союза, фактически не могут начаться с исключения этой темы из обсуждения. Если тем, кто разделяет мои взгляды, предстоит включиться в дискуссию о нынешнем советском обществе и его эволюции, то те, кто придерживается одних с Кеннаном мнений, окажутся в трудном положении после того, как их проинформировали относительно стратегического равновесия и связи между советской гонкой вооружений и советскими намерениями”, – писал Пайпс²⁸.

Другой оппонент Кеннана, Л. Лабедз, был столь же резок: он говорил о “шизоидном политическом дуализме” Кеннана и считал, что его взгляды, кроме Пайпса, разделяют другие эксперты – Улам, Сетон-Уотсон, Лакёр, Шапиро, Конквест, Гроссман²⁹.

Совсем иные позиции по отношению к Кеннану во второй половине 1970-х годов занимал Р. Лёвенталь. Заслуживает внимания его оценка взглядов Кеннана, изложенная в публикации “Как вести себя по отношению к глобальной державе” (СССР. – *И.О.*):

²³ Kennan G.F. Realities of American Foreign Policy, p. 100; *idem*. Russia, the Atom and the West. New York, 1958.

²⁴ Дебаты, с. 67.

²⁵ Там же, с. 126.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 132.

²⁸ Там же, с. 133.

²⁹ Там же, с. 141.

“И снова, как и 30 лет назад, Джордж Кеннан выступил в критический момент инициатором основополагающих дебатов по вопросу об американской политике в отношении Советского Союза. Я называю момент критическим, потому что, как справедливо заметил Кеннан, установившаяся за годы разрядки конструктивная практика переговоров между обеими сверхдержавами сейчас висит на волоске – и это не только из-за отсутствия в Соединенных Штатах согласованного мнения в области внешней политики, о чем скорбит с полным на то основанием Кеннан, но и вследствие неминуемо приближающейся смены поколений в России и в советском блоке, на что он только мимоходом намекает. Я остро сознаю, в каком долгу мы все перед Кеннаном за то, что он заново поднял краеугольные вопросы об американско-советских отношениях и призвал к открытию дебатов на высоком уровне как к средству достижения недостающей нам согласованности взглядов. Однако по ряду важных пунктов мое мнение расходится как со взглядами Кеннана, так и с критическими комментариями профессора Ричарда Пайпса, опубликованными в настоящей книге”³⁰.

Еще одно замечание Лёвентала: «При всем моем уважении к мнению профессора Пайпса я все же не могу рассматривать содержащееся в политико-воспитательной литературе для Советской Армии утверждение, будто подобную войну можно “выиграть”, как доказательство склонности нынешних советских лидеров усматривать в ядерной катастрофе орудие политики. Тут я согласен с Джорджем Кеннаном: они отнюдь не авантюристы. Истинная политическая цель советских усилий, направленных на достижение ядерного превосходства, явно состоит в том, чтобы сделать безосновательной угрозу американского ядерного ответного удара на советское нападение вооруженными силами обычного типа»³¹.

Отвечая своим критикам, Кеннан в свойственном ему спокойном и корректном стиле писал: «Я с неохотой начинаю полемику с Ричардом Пайпсом и Леопольдом Лабедзом по поводу их критических замечаний о тех заявлениях, с которыми я недавно выступил в связи с проблемой советско-американских отношений. Однако эти замечания содержали ряд искажений или неправильных толкований моих взглядов, что, как я считаю, не может остаться неисправленным, особенно потому, что некоторые из указанных толкований были затем подхвачены и развиты Бернардом Левином в газете “Таймс” (Лондон, 25 и 26 апреля 1978 года)»³².

Кеннан доказывает ошибочность взглядов его оппонентов³³. Об этом свидетельствует и попытка оправдать себя в “Реплике” Пайпса³⁴. Но и здесь Пайпс остается верен себе, грубо обвиняя Кеннана в “невежестве”, “измене”, считая его взгляды “попросту слишком глупыми для того, чтобы принимать их всерьез”³⁵.

Подробно характеризуя роль силы в международных отношениях, Кеннан обращается к некоторым внутренним проблемам США, связывая с ними и их внешнюю политику. Отвечая на упреки Дж. Урбана в пессимизме, Кеннан убедительно говорит, что представления о США “рушатся вокруг нас. Я отнюдь не думаю, что развитие цивилизации Соединенных Штатов в последние 40–50 лет (т.е. в 30–70-е годы XX в. – *И.О.*) было успешным; я не думаю, что наша политическая система соответствует требованиям эпохи, в которую мы теперь вступаем, очень немногие люди в нашей стране, оценили в полной мере несостоятельность не только наших традиционных институтов, но и нашего образа мышления”³⁶.

В ответ на вопрос: “может ли Америка продолжать оставаться мировой сверхдержавой?”, Кеннан аргументировано доказывает “неспособность Соединенных Штатов

³⁰ Там же, с. 154.

³¹ Там же, с. 159.

³² Там же, с. 163.

³³ Там же, с. 163–168.

³⁴ Там же, с. 169–171.

³⁵ Там же, с. 170.

³⁶ Там же, с. 14.

контролировать какую-либо значительную часть мира... Соединенные Штаты не могут быть лидером по двум причинам: 1) потому что Соединенные Штаты не могут сказать ничего особенного окружающему миру и 2) потому что тот тип правительства, который мы имеем, не позволяет, даже если бы у нас было что сказать ценного, воплотить это ценное в последовательно осуществляемую внешнюю политику”³⁷.

В ответах Кеннана по поводу “Защиты от России” много болезненных для него признаний: “Покажите мне Америку, которая успешно справилась бы с проблемами преступности, наркомании, снижения уровня образования, с упадком городов, порнографией и разложением того или иного рода, – покажите мне Америку, которая собралась бы с духом и является такой, какой она должна быть, и тогда я скажу вам, как нам защищаться от русских. Но, судя по тому, как обстоят дела, я вижу очень мало заслуг в том, чтобы направлять свои силы для защиты порнографических лавок в центре Вашингтона от русских. В действительности русские гораздо лучше справляются с задачей борьбы с порнографией, чем мы”³⁸. (Увы, в конце первого десятилетия XXI в. Кеннан вряд ли был бы столь категоричен в оценке ситуации в России.)

Английский историк Х. Сетон-Уотсон считает, что “позиция Кеннана страдает заблуждениями утопического свойства”³⁹. Но при этом он не раскрывает сущности этого “утопизма”. Сетон-Уотсон с иронией пишет о мнении Кеннана относительно “общих черт” русских и американцев и тут же лишает русских права называть себя европейцами: “Я остро сознаю, что люди, живущие по другую сторону границы – поляки, чехи, словаки, венгры, румыны, – составляют европейские нации, русские же – нет. Я не могу найти этому точного определения. Это одна из тех истин, которые сразу же распознает каждый, кто путешествует по Восточной Европе, если у него есть хоть малейшее представление о европейской культуре и истории. Ведь в самом деле, различия между этими восточноевропейскими народами и русскими сейчас еще больше бросаются в глаза, чем когда-либо прежде. В XIX столетии представители образованной элиты в России были европейцами, ничем от своих собратьев во Франции и Германии не отличавшимися. Сегодня этого сказать о них нельзя”⁴⁰.

НУЖНА ЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ МОРАЛЬ?

Некоторые участники “Дебатов”, критикуя Кеннана, поднимали вопрос о роли морали во внешней политике. Лабедз без каких-либо аргументов объявляет Кеннана “сторонником политики, пренебрегающей законами морали”⁴¹.

В первом десятилетии XXI в., когда рушатся международные договоренности, когда здесь и там отказываются от принципов международного права, когда крупные региональные объединения фактически отказываются от своих обязанностей и нарушают права государств и народов, есть ли смысл говорить о морали, о нравственности?

Кеннан как будто предвидел такую ситуацию и оставил нам ориентиры нравственного поведения в международной жизни, мудрые наставления, как мораль может и должна определять внешнюю политику. Об этом свидетельствуют и материалы “Дебатов” и другие, более поздние работы Кеннана. Одна из его статей так и называется: “Мораль и внешняя политика”. Она была опубликована в зимнем номере журнала “Форин афферс” за 1985–1986 гг. И хотя автор оперирует в основном фактами из американской внешней политики, критикуя ее “правила”, общие положения статьи, ее выводы и рекомендации по существу носят планетарный характер. Во всяком случае, они приемлемы для внешней политики крупнейших государств мира. И что особенно важно, Кеннан как будто опубликовал эту статью не в 1986 г., а в 2006 г. или даже на рубеже 2010 и 2011 гг.

³⁷ Там же, с. 27, 33, 35.

³⁸ Там же, с. 70.

³⁹ Там же, с. 89.

⁴⁰ Там же, с. 106.

⁴¹ Там же, с. 151.

В отношении одного государства к другому нельзя руководствоваться только собственными моральными стандартами. Говоря о внешней политике США, Кеннан подчеркивает: “Мы не имеем права считать, что наши моральные стандарты также являются и их стандартами, и апеллировать к их стандартам как к источнику для нашего недовольства”⁴².

Когда американские политики слишком моралистично судят о действиях правительств других стран, это уводит их “в сторону от более основательных требований политического реализма, вследствие чего их заявления и действия, сколь впечатляющими они ни были для внутренней политической аудитории, теряли свою эффективность на международной арене”⁴³.

Полны иронии и скепсиса многие рассуждения Кеннана о “высокопарных словах и фразах большинства правительств” при подписании важных международных деклараций, которые “не ущемляют чьей-либо свободы действий”. Его упрек в адрес Хельсинкских соглашений 1975 г. о их “декларативном, а не договорном характере” сегодня, когда неэффективность деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) очевидна, звучит как предупреждение Европе и миру. “Заслуживает ли морального одобрения побуждение других к подписанию деклараций, сколь бы возвышенными по звучанию они ни были, но которые заведомо не будут и не могут быть реализованы – вопрос обоснованный”⁴⁴.

Не все эксперты принимают взгляды Кеннана, его философию международных отношений⁴⁵. И после “Дебатов” Кеннан не раз вызывал критику оппонентов по поводу его оценок внешней политики США. В середине 1980-х годов он отмечал: “Когда мы говорим о применении моральных стандартов к внешней политике, мы не говорим о сочетаемости их с некими четкими и общепринятыми международными правилами поведения. В случае, если политика и действия правительства США должны быть приведены в соответствие с моральными стандартами, это должны быть собственные американские стандарты, основанные на традиционных американских принципах справедливости и уважения права собственности”⁴⁶.

Кеннан подчеркивал, что “американцы колеблются между бегством от мира и стремлением как-то уже очень страстно его обнять. Абсолютизация национальной морали требует или уйти от чуждого или изменить его, но постоянно и спокойно рядом с ним жить нельзя”⁴⁷.

“Реалист” Кеннан в середине 1950-х годов глубже и яснее осознал высокое значение моральных принципов в мировой политике – фактора, “создающего главные условия неделимости мира”⁴⁸. Он оценивал как “трагическую ошибку”, “моральную потерю для американской внешней политики” применение атомного оружия против Японии в 1945 г.⁴⁹

Вскоре после “Дебатов”, в 1981 г. Кеннан сетовал на то, что “в наше время запутанного взаимодействия между мнением публики и коммерческими средствами массовой информации лобби и другие организации меньшинства оказывают чрезмерное влияние на внешнюю политику; необычайно трудно демократическому обществу получить объективное представление о любой другой стране, которая объявлена военным и политическим противником”⁵⁰.

⁴² Kennan G.F. Morality and Foreign Policy. – Foreign Affairs, Winter, 1985–1986, № 2, p. 208.

⁴³ Ibid., 205.

⁴⁴ Ibid., p. 208.

⁴⁵ Gellman B. Contending with Kennan. Toward a Philosophy of American Power. New York, 1984.

⁴⁶ Ibid., p. 208.

⁴⁷ Современная внешняя политика США, т. 1, с. 168.

⁴⁸ Мальков В.Л. Указ. соч., с. 34–35.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Kennan G. Cease this Madness. – The Atlantic, January 1981, p. 25.

Кеннан не раз признавал, что, разрабатывая внешнюю политику, США “игнорируют уроки и прецеденты прошлого”⁵¹. И далее, исходя из этого прошлого, он делает ряд существенно важных рекомендаций не только для внешней политики США, но и для других государств. Эти рекомендации выходят за временные рамки конца XX в. и носят важный принципиальный характер, являются одним из серьезных постулатов современных международных отношений.

«В последние годы, – писал Кеннан в 1986 г., – было немало случаев, когда американское правительство выражало недовольство действиями других правительств, базирясь на основаниях, которые, по крайней мере, предполагали моральные критерии для суждения, и в некоторых из данных случаев словесные заявления протеста подкреплялись более осязаемыми мерами давления. Эти различные интервенции происходили под целым рядом лозунгов: демократии, прав человека, правления большинства, верности договорам, верности хартии ООН, и т.д. Мишенью при этом скорее были внешняя политика, действия стран-“нарушителей”, нежели внутривластные действия. По мнению их американских вдохновителей, такие интервенции служили демонстрацией не только моральной ущербности других, но и моральной устойчивости нас самих, считалось, нашим моральным долгом определять ошибки, совершенные другими, осуждать их в глазах мирового сообщества, и гарантировать их исправление, насколько это в наших силах, не прибегая к военным действиям. Вдохновители или инициаторы усилий такого характера, разумеется, утверждали, что действуют во имя моральных принципов, и во многих случаях не испытывали сомнений, что делали это совершенно искренне. Но насколько результаты этого вдохновения (как, впрочем и многих иных благих намерений) обосновывают эти претензии, – вопрос спорный со многих точек зрения»⁵².

Некоторые утверждают, говорит Кеннан, «что поощрение демократии в других странах всегда служит интересам безопасности, политической неприкосновенности, а также процветанию Соединенных Штатов. Если это можно продемонстрировать в конкретном случае, то хорошо. Но так дело обстоит не всегда. Демократия – это широкое понятие. Многие разновидности глупости и несправедливости ухитряются скрываться под маской этого определения. Тот факт, что страна оказывается завлеченной в ловушки самоуправления (trappings of self-government), автоматически не означает, что таким образом продвигаются интересы Соединенных Штатов. Существуют формы плебисцитарной “демократии”, которые могут оказаться менее благоприятными для американских интересов, чем мудрый и великодушный авторитаризм. Могут быть тирании большинства, а также тирании меньшинства, так что одна едва ли менее одиозна, чем прочие»⁵³.

И далее: “Практика или политика, которая вызывает наше официальное недовольство в одной стране, охотно оправдывается или игнорируется в другой. То, что считается дурным в поведении наших оппонентов, хорошо или, по крайней мере, допустимо, если речь идет о наших друзьях. То, что не вызывает возражений у нас в один период нашей истории, является устрашающим в другой. К сожалению, непоследовательность подразумевает отсутствие принципиальности в глазах мирового сообщества, поскольку мораль перестает быть моралью, если не основывается на принципах”⁵⁴.

Моральным фактором внешней политики, как в “Дебатах”, так и в ряде работ и выступлений, считает Кеннан и отношение к демократии. “Демократия в той форме, в какой ее понимают американцы, не обязательно будущее всего человечества, и американское правительство не обязано гарантировать, чтобы она стала таковым. Несмотря на частые утверждения в обратном смысле, не каждый в этом мире несет, в конце концов, ответственность за действия любого другого человека, повсеместно. Не имея права принуждать к изменениям, не может быть и ответственности. В случае правительств

⁵¹ Kennan G. On Dealing with the Communist World. New York, 1964, p. 21.

⁵² Kennan G.F. Morality and Foreign Policy, p. 208–209.

⁵³ Ibid., p. 209.

⁵⁴ Ibid., p. 210–211.

по практическим мотивам следует вести себя ответственным образом, и, в частности, существует четкая связь между правом действовать и последствиями действия или бездействия”⁵⁵.

Кеннан подчеркивает важность морали для дипломатии. “Успех нашей дипломатии всегда зависел, и будет продолжать зависеть, от присущей нам честности и открытости цели, а также откровенности, с которой она реализуется. Если лишить нас этого, мы лишимся нашего самого мощного и самого эффективного оружия. Если это ограничение, то не отражающее никакой компрометации нас самих. Мы можем принять его с чистой совестью, поскольку в национальных и личных делах признание собственных ограничений – несомненно, один из первых признаков истинной моральности”⁵⁶.

“Если западники хотят претендовать на звание носителей высокой морали, относящихся с большой симпатией и пониманием к человеческому существу, такому, каким его создал Бог, о котором он говорил, осуждая войны в моральном и военном отношении и призывая не вести их вообще, то эти моральные принципы должны стать основой их поведения и деятельности”⁵⁷.

Как отмечал российский историк А.И. Уткин, “идеи Кеннана были одними из наиболее влиятельных в XX веке”⁵⁸.

ВЗГЛЯД НА РОССИЮ

Можно назвать не один десяток зарубежных исследователей, на протяжении долгого времени изучавших Россию, ее историю, культуру, ее жизнь. Многие из них прекрасно знали Россию, часто о ней писали – и хорошего, и плохого. Но далеко не все понимали Россию. Пожалуй, Кеннан – это один из немногих, кто Россию понимал.

Аналитический ум Кеннана позволил ему сделать любопытные по своей точности предвидения “русского будущего”, что отчетливо проявилось и в “Дебатах”, и во многих публикациях Кеннана до и после “Дебатов”.

Отнюдь не самонадеянно звучит признание Кеннана: “Я сомневаюсь, чтобы в западном мире нашелся человек, с большей симпатией и уважением, чем я, относившийся к страданиям и мужеству, с которым этот народ, подавленный деспотизмом, пробивался к обретению идеала человеческого достоинства и социальной ответственности. Этот народ, как никакой другой, чувствителен к ценностям морали... нравственное благородство их (русских. – *И.О.*) литературы оказало благотворное воздействие на значительную часть человечества”⁵⁹.

Кеннан много писал о России, советской и несоветской, о ее правителях и народе, о ее победах и поражениях. И всегда это были слова доброжелательные.

“Русский народ формировался в течение многих веков, что наложило несомненный отпечаток на его национальное самосознание. В отличие от народов Запада русские могли скрывать свои чувства добродушно и снисходительно – без негодования и возмущения, без нетерпимости. Так что сила Кремля выглядела в этом свете довольно сомнительно... Ни у одного другого народа не было такой жадности к знаниям и такого интереса к интеллектуальным и художественным ценностям. Неизбалован он и жизненным комфортом”⁶⁰.

Кеннан видел то, чего не видели многие другие на Западе: “В условиях войны и мира, при наличии драмы, переживаний и страданий, в России все же развивалась духовная жизнь народа. И это, пожалуй, наиболее важное и загадочное из всего, что происходило в Советском государстве. А важно это потому, что уже в ближайшее время

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibid., p. 215.

⁵⁷ Кеннан Д. Дипломатия, с. 334.

⁵⁸ Уткин А.И. Указ. соч., с. 44.

⁵⁹ Кеннан Д. Дипломатия, с. 169–170.

⁶⁰ Там же, с. 409–410.

определило силу и характер национальных достижений и влияния России на остальной мир. Загадка же в том, что происходило оно по своим собственным законам, которые подчас непонятны даже в Кремле”⁶¹.

Читая книги и статьи Кеннана, посвященные России, подчас невольно ловишь себя на мысли, что и о своей родине – Америке он пишет так же и тепло, и сердито, и доброжелательно, и остро критично, как и о России. Не в этой ли симпатии к России кроется ключ к кеннановскому “пониманию России умом”?

Такое понимание России наиболее полно и в то же время лаконично изложено в “Дебатах” и в статье Кеннана “Америка и русское будущее”. Эта статья была опубликована в журнале “Форин афферс” в апреле 1951 г.⁶² и тогда же напечатана в американском русскоязычном “Новом журнале”⁶³ в переводе профессора Гарвардского университета М.М. Карповича. В этой статье Кеннан попытался охарактеризовать советский строй, показать его суть и драматизм.

И все же нельзя обойти те оценки, которые Кеннан дал нашему времени; он отчетливо обозначает, что в истории России это будет уже не советский этап. Кеннан не только определяет этот этап, но и высказывает рекомендации и русским, и американцам (да и не только американцам), как относиться к этой будущей России, как Америка должна воспринимать “русское будущее”, которое в первом десятилетии XXI в. стало нашим настоящим.

Вот определения Кеннана “русского будущего”, сделанные еще в 1951 г.: “Капиталистическое, либерально-демократическое государство”; отсутствие “широкого распределения собственности на акционерных началах”; весьма ощутимая аналогия со старой индустриализацией России: “характерная черта этого развития – быстрое скопление денежных средств в руках отдельных лиц и семейств, которые далеко не всегда знают, что им делать со своим богатством... Способ расходования этих богатств зачастую кажется столь же сомнительным, как и пути, которыми они приобретались”⁶⁴. Эти мысли были сформулированы почти 60 лет тому назад, когда, казалось, Россия (Советский Союз) после Победы вступает в эру неизменного роста своего могущества.

Кеннан писал о будущих кардинальных изменениях в России. “Русское национальное самосознание не подготовлено к установлению в России – особенно в ближайшем будущем – ничего подобного системе частной инициативы, в том виде, в каком знаем ее мы, американцы. Это не исключает возможности развития русской частной инициативы в будущем, при благоприятном стечении обстоятельств. Но она никогда не уложится в систему, тождественную нашей. И никому не удастся форсировать темп ее развития особенно извне... Значительные секторы экономической жизни, которые мы привыкли относить к сфере частной инициативы, почти наверное останутся в России в ведении государства, независимо от облика будущего политического строя. Это не должно американцев ни удивлять, ни пугать. Нет никаких оснований для того, чтобы формы экономической жизни России, за некоторыми исключениями, могли считаться жизненно важным вопросом для внешнего мира”⁶⁵.

Любопытны слова Кеннана по поводу “русского будущего”: “Обращаясь к политической стороне дела, мы не можем ожидать появления либерально-демократической России, созданной по американскому образцу. Это необходимо подчеркнуть со всей силой. Это не значит, конечно, что будущий русский режим обязательно будет анти-либеральным. Нет более прекрасной либеральной традиции, чем та, которая была в русском прошлом. Да и в наши дни многие русские люди и русские общественные группы глубоко проникнуты этой традицией и готовы сделать все, что в их силах, для того, чтобы она стала господствующей в новой России. Мы только можем от всей души по-

⁶¹ Там же, с. 409.

⁶² *Kenan G.F. America and Russian Future*, p. 351–370.

⁶³ *Кеннан Дж. Ф. Америка и русское будущее*. – Новый журнал, кн. 26, 1951, с. 279–288.

⁶⁴ *Кеннан Д. Ф. Америка и русское будущее*. – Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 83.

⁶⁵ Там же.

желать им успеха. Но мы не окажем им услуги, если будем ожидать от них слишком быстрых и слишком больших успехов, или же если будем надеяться, что они создадут строй, подобный нашему... Многие характерные черты советской системы переживут советскую власть, хотя бы уже потому, что все другое, что можно было бы ей противопоставить, было уничтожено. Некоторые же черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт. Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, что в русской жизни был советский период и что этот период оставил – вместе с отрицательным – и свой положительный отпечаток. Плохую помощь окажут членам правительства будущей России те западные доктринеры и нетерпеливые доброжелатели, которые будут ожидать, что они создадут в кратчайший срок точную копию демократической мечты Запада – только потому, что эти русские люди будут заняты поисками нового строя, способного заменить тот, который мы теперь называем большевизмом”⁶⁶.

Кеннан дает наставление американским, да и вообще западным “советникам” по России: «Нам, американцам, в особенности следует сдерживать, а если возможно, то и раз навсегда уничтожить укоренившуюся среди нас склонность судить о других народах в зависимости от того, в какой степени они похожи на нас самих. В наших отношениях с русским народом для нас теперь более чем когда-либо важно помнить, что наш строй может представляться неподходящим для людей, живущих в иной атмосфере и иных условиях, и что возможно существование социального и государственного строя, не заслуживающего осуждения, хотя бы он и ни в чем не был сходен с строем американским. Сознание такой возможности несколько не должно нас смущать... В национальном характере русского народа есть много положительных черт, а настоящее положение в России настоятельно требует создания новой формы правления, которая позволила бы этим положительным чертам проявиться. Будем надеяться, что такая перемена осуществится. Но когда советская власть придет к своему концу, или когда ее дух и ее руководители начнут меняться (ибо и тот и другой конечный исход возможен) – не будем с нервным нетерпением следить за работой людей, пришедших ей на смену, и ежедневно прикладывать лакмусовую бумажку к их политической физиономии, определяя, насколько они отвечают нашему представлению о “демократах”. Дайте им время; дайте им возможность быть русскими; дайте им возможность разрешить их внутренние проблемы по-своему. Пути, которыми народы достигают достойного и просвещенного государственного строя, представляют собою глобчайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто непонятны и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда. Как мы увидим в дальнейшем, в некоторых отношениях вопрос о характере будущего русского государства действительно затрагивает интересы остального мира. Но это не касается формы правления – если только она не переступает определенных, четко установленных границ, за которыми начинается тоталитаризм»⁶⁷.

Кеннан видит сложность международных отношений наших дней, расхождения и борьбы интересов: “Никто не требует наивного и детского доверия; никто не требует беспричинного энтузиазма по отношению ко всему иностранному; никто не требует, чтобы игнорировались реальные и законные расхождения интересов, которые всегда налагают и будут налагать свою печать на международные отношения. Мы должны не только считаться с тем, что русские национальные интересы не перестанут существовать, но и с тем, что они будут энергично и уверенно отстаиваться”⁶⁸.

Кеннан испытывает глубокое уважение к русскому народу и желание видеть его свободным от “железного занавеса”: “Мы можем требовать, чтобы нелепая система анахронизмов, известная под названием железного занавеса, была упразднена, и что-

⁶⁶ Там же, с. 84.

⁶⁷ Там же, с. 84–85.

⁶⁸ Там же.

бы к русскому народу, который, будучи зрелым членом мирового коллектива, мог бы так много дать и так много получить взамен, перестала применяться оскорбительная политика, третирующая его как незрелого и несамостоятельного ребенка, которому нельзя позволить общаться с миром взрослых и которого нельзя без надзора выпускать из дому”⁶⁹.

Кеннан предстает как мыслитель, который на примере России видит общечеловеческие проблемы и обращает на них внимание не только “русского будущего”, но и общечеловеческого: “Трудно определить, в чем именно заключается величие той или иной нации. Каждый народ состоит из множества отдельных людей, а среди отдельных людей, как известно, нет единообразия. Некоторые из них привлекательны, другие неприятны; одни – честные люди, другие – не вполне; одни сильны, другие слабы; одни вызывают восхищение, другие у всех вызывают любое чувство, кроме восхищения. Все это верно, как в отношении нашей родины, так и в отношении России. Поэтому так трудно сказать, в чем заключается величие народа. Одно можно сказать с уверенностью: оно редко заключается в тех качествах, которые, в сознании самого народа, дают ему право верить в свое величие; ибо в народах, как и в отдельных людях, подлинно выдающиеся достоинства обычно бывают не те, которые они сами любят себе приписывать. И все же национальное величие несомненно существует; несомненно и то, что русский народ обладает им в высокой степени”⁷⁰.

Уже в начале своей деятельности в России Кеннан, по его словам, “пытался заглянуть в будущее и оценить возможную перспективу двусторонних российско-американских отношений”⁷¹. В одной из аналитических записок он писал: “Я не отрицаю возможности взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами в ограниченных пределах. Но для этого американская сторона должна быть представлена людьми, у которых есть необходимые для такой работы квалификация и компетентность, готовность к сложностям русской жизни, достаточный уровень образования и особый дар терпения. При отсутствии таких людей с нашей стороны я не вижу особой перспективы развития советско-американских отношений, если не говорить о взаимном непонимании, разочарованиях, претензиях ... Эта оценка и сейчас, 30 лет спустя (т.е. в конце 1960-х годов. – *И.О.*), не кажется мне пессимистичной”⁷². Эти мысли Кеннана справедливы и сегодня.

Проблемы внутренней жизни в США и России не раз были предметом размышлений Кеннана. Отвечая на вопрос Урбана, не считает ли Кеннан, что “обе страны жили окутанные ложью?”, он говорит: «Да, я так сказал бы, но с большими оговорками. Что касается России, то ложь очевидна – как при царе, так и при коммунизме. В отношении Америки мы вовсе не можем говорить о “лжи” в том же смысле. Тем не менее, я приписываю большую степень упадка и деморализации американской цивилизации засилью рекламной промышленности во всех каналах информации. Это большое и фундаментальное зло, ибо оно отравляет все содержание информации, распространяемой по всей стране. Оно растлевает и извращает интеллект слушателя и зрителя; оно отбивает у людей охоту терпеливо добиваться правды. Оно пагубно со всех точек зрения»⁷³.

Кеннан не отрицает полностью упреков своих оппонентов в известной противоречивости его взглядов на Россию: “Я признаю противоречие, которое ясно просматривается здесь. Фактически (как мне приходилось часто указывать) вся русская действительность противоречива так же, как и, пожалуй, некоторые из моих взглядов на Россию”⁷⁴.

⁶⁹ Там же, с. 86.

⁷⁰ Там же, с. 90.

⁷¹ Кеннан Д. Дипломатия, с. 53.

⁷² Там же, с. 54.

⁷³ Дебаты, с. 26.

⁷⁴ Там же, с. 24.

Своеобразным подведением итогов “Дебатов” является заключение доклада Кенна-на “Современная оценка советско-американских отношений”. Кеннан пишет: “С моей точки зрения, острые разногласия относительно нашей политики в отношении России, омрачающие в настоящее время наши публичные дебаты и угрожающие успеху всех и каждого политического мероприятия Соединенных Штатов в отношении этой страны, не смогут быть улажены в тех условиях, в каких ведется сейчас спор. По моему убеждению, решением проблемы может служить только наш совместный акт смирения: только признание, что все мы не слишком-то много знаем о том, о чем говорим, только готовность остановиться и расширить наши познания, прежде чем стараться перекричать друг друга. Только в таком акте смирения мы сумеем найти дорогу в будущее советско-американских отношений, – дорогу, сулящую надежду, а не ужас”⁷⁵.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕБАТОВ

После опубликования “Дебатов” дискуссии в США не прекратились. Обратили на них внимание и советские аналитики⁷⁶. Кеннан проявлял живой интерес к работам советских исследователей международных отношений, к историкам внешней политики США и СССР. Понимая ограниченность их возможностей полно и откровенно излагать свои взгляды, в беседе с М. Ласки он говорил: “Мы начинаем видеть советских историков на международных конгрессах; мы читаем их журналы (они явно хотят, чтобы мы это делали), а они читают наши; им хочется, чтобы их считали серьезными историками, и многие из них действительно являются таковыми. Все это будет, с моей точки зрения, означать для русских ученых неминуемую конфронтацию [принятого подхода к истории] с фактической стороной исторической действительности”⁷⁷.

И еще одна объективная оценка: “В творчестве многих более молодых советских историков чувствуется, что они вынуждены – по соображениям дисциплины и ради того, чтобы вообще опубликовать свои труды, – придерживаться в них некоторых стереотипных концепций существующей партийной доктрины. Но если вдуматься в суть их статей – обычно содержащуюся в середине, а не в начале или конце последних, – то становится ясно, что они провели очень серьезную, очень квалифицированную и очень полезную работу в области исследования ряда различных проблем. И с моей точки зрения, уже само по себе это обстоятельство служит симптомом того, что советские историки постепенно усваивают более смелый, более уверенный и более достойный уважения подход ко всему, что принадлежит к сфере занятия историей”⁷⁸.

Кеннан общался с советскими исследователями. Особенно запомнилось его участие в советско-американской конференции историков в 1987 г.

С 16 по 18 июня 1987 г. в Москве в небольшом конференц-зале “Дома туриста” в конце Ленинского проспекта проходила встреча историков СССР и США. Обсуждались проблемы советско-американских отношений после Второй мировой войны, возникновение “холодной войны”. За столом у окна сидели председатель Национального комитета советских историков академик С.Л. Тихвинский, его заместитель по комитету, возглавлявший советскую делегацию проф. А.О. Чубарьян (тогда еще не академик) и руководитель американской делегации бывший посол США в СССР Дж. Кеннан.

Обе делегации сидели за отдельными столами – друг против друга. Так получилось, что известный историк-американист Б.И. Марушкин и автор этого очерка сидели близко к “председательскому” столу и оказались почти рядом с Кеннаном.

⁷⁵ Там же, с. 125.

⁷⁶ Современная внешняя политика США, в 2-х т.; Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. М., 1983; История США, т. 4. М., 1987.

⁷⁷ Дебаты, с. 192.

⁷⁸ Там же, с. 194–195.

В своих работах мы часто использовали почти все известные к тому времени публикации Кеннана, высоко ценили смелый критический подход к его собственным оценкам послевоенных международных отношений. Но сейчас, глядя на Кеннана, слушая его, мы видели перед собой не только дипломата и ученого, но и мудрого человека. У Кеннана было очень четкое произношение, пристальный взор внимательно смотрящих на собеседника глаз, приятная, чуть заметная ироничная улыбка. Да и внешне это был красивый, привлекательный человек, немного сухощавый, выше среднего роста, со спокойными размеренными движениями. Он с большим уважением слушал каждого докладчика и участника дискуссии.

В ходе конференции (а в американской делегации были не только сторонники взглядов Кеннана) поднимались многие вопросы, которые были предметом “Дебатов” в конце 1970-х годов.

Кеннан отметил, что как участник рассматриваемых на конференции событий и как их летописец он особенно ощущает необходимость осознания историками своей возросшей ответственности перед будущим⁷⁹. Это было трудное, напряженное время, говорил Кеннан, и “возможно, нами были допущены ошибки”. Трезвое осмысление уроков прошлого необходимо для наступающего этапа решающих перемен в международных отношениях, требующего конструктивных усилий народов обеих стран⁸⁰.

Содержание и тональность выступлений Кеннана производили особое впечатление на всех участников встречи. В заключительных словах С.Л. Тихвинского и А.О. Чубарьяна отмечалось, что активное участие Кеннана в работе конференции придало ей особую значимость.

Некоторые из участников этой встречи через три года, летом 1990 г., вошли в состав советско-американской комиссии историков по изучению происхождения “холодной войны”. Были встречи в Москве, затем в Институте мира в Вашингтоне.

В ходе обеих встреч постоянно звучало имя Кеннана. И американские, и советские историки, анализируя истоки “холодной войны”, подробно характеризовали “Длинную телеграмму” и ее автора. В составе американской делегации были давние оппоненты Кеннана – директор Русского исследовательского центра Гарвардского университета А. Улам, профессор Гарварда Р. Пайпс, профессор Института Гувера Р. Конквест. Да и обсуждались по существу те же проблемы, что и в “Дебатах”, хотя уже в другое время и с другими участниками⁸¹.

Из Вашингтона мы переехали в родной для Кеннана Принстон с его старинным (по американским меркам) университетом. Надеялись на встречу с Кеннаном. Но стоял жаркий август, и Кеннан, говорили, находился в Норвегии, на родине жены. Так что встреча не состоялась.

Дипломатическая и научная деятельность Кеннана были высоко оценены в США. В 1989 г. президент Дж. Буш вручил ему в Белом доме Президентскую медаль свободы. В 2003 г. жители Милуоки, родного города Кеннана, решили установить своему знаменитому земляку памятник еще при жизни.

Широко было отмечено 100-летие Кеннана в Вашингтоне. Этому было посвящено 25 марта 2004 г. собрание в Национальном клубе прессы, на котором присутствовали многочисленные представители политической, дипломатической, научной и бизнес элиты США, России и других государств.

Сам Кеннан по состоянию здоровья не смог присутствовать. Его дети Крис Кеннан и Грейс Кеннан-Уорнаке передали собравшимся наилучшие пожелания от своего знаменитого отца.

⁷⁹ Кунина А.Е. Конференция по истории советско-американских отношений в 1945–1950 гг. – Новая и новейшая история, 1988, № 1, с. 239–242.

⁸⁰ Там же, с. 241.

⁸¹ United States Institute of Peace Journal, 1990, v. III, October, № 4.

Выступая на торжественном собрании, государственный секретарь США К. Пауэл отметил особое значение идей Кеннана, “многоопытность и незаурядность суждений которого помогли формированию американской внешней политики... Кеннан являет собой образец одной из важнейших человеческих добродетелей – терпения. Ему пришлось ждать больше 45 лет, пока не сбылись его прогнозы относительно неизбежности краха советской системы”⁸².

Кеннан с интересом и сочувствием относился к тому, что происходило в России на рубеже XX–XXI вв. В интервью в 1999 г. он говорил о миллионах россиян: “Удивительно, что не так сильны требования вернуться к коммунизму, хотя во многом их нынешнее положение хуже того, что было в последние годы коммунистического правления”⁸³.

Когда я иногда проезжаю мимо “Дома туриста” (сейчас он, кажется, называется по-другому), то невольно взор останавливается на окнах конференц-зала, где более 20 лет тому назад мне и моим коллегам удалось пообщаться с незаурядным политиком и интересным человеком – Джорджем Фростом Кеннаном.

⁸² Вестник Института Кеннана в России, вып. 5, с. 6–7.

⁸³ The US and World: An Interview with George Kennan. The New York Review of Books, 1999, August 12, p. 4. – Там же, с. 16.